

А. А. Ильин

МЕЖДУ НАЦИЕЙ И ГЕНДЕРОМ: ИСТОРИЯ БОРОДЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И РОССИИ В 1830–1880-х ГОДАХ

Рассмотрен рост популярности бород в Западной Европе и России в 1830–1880-х гг. Проанализированы основные гипотезы, объясняющие указанный феномен в Западной Европе, западноевропейский опыт сопоставлен с российским. Сделан вывод, что в России начиная с середины XIX в. борода означала прежде всего национальное единство, то есть единство крестьян и образованного класса, тогда как в Западной Европе она подчеркивала гендерное неравенство и исключительное положение мужчин в обществе и политике.

This article focuses on the increasing popularity of beards in Western Europe and Russia in the 1830s – 1880s. The main hypotheses explaining this phenomenon in Western Europe are analysed and the Western and Russian practices compared. It is concluded that, from the mid-19th century, the beard was a symbol of national unity – the unity of peasants and the educated class in Russia, whereas it emphasised gender inequality and the exceptional status of men in the society and politics in Western Europe.

Ключевые слова: бороды, мода, маскулинность, Российская империя, нация, гендер.

Key words: beards, fashion, masculinity, Russian Empire, nation, gender.

История моды предоставляет значительный материал для специалистов из самых разных областей, в том числе для культурных историков [29; 36]. В частности, исследователей привлекает такой феномен моды, как борода. Особенно интересны переломные моменты в истории этого феномена, например середина XIX в., когда, как отмечают некоторые специалисты, бороды в странах Запада начали быстро приобретать популярность [34, р. 66; 32, р. 7]. Их значение изменилось: если ранее они были символом политической независимости и радикализма, то в этот период стали ассоциироваться скорее с традиционным порядком, обозначая превосходство мужчин над женщинами.

Названный период оказался значимым и для истории бороды в России, хотя здесь существовала своя специфика вопроса, отличающаяся от европейской. «История бороды – богатый предмет исследований... но она не знает другого столь же масштабного события, как петровское бритье», – пишет А. М. Эткинд [27, с. 156]. Он предполагает, что различия в костюме и в целом во внешнем виде были введены имперскими властями для конструирования четко отграниченных друг от друга со-

словий, без чего нельзя было выстроить эффективную систему управления подданными [27, с. 155–159]. В связи с этим середина XIX в., когда в моду постепенно входят бороды, выглядит важным периодом, в течение которого начинают размываться сословные границы.

В статье рассмотрена ситуация, предшествовавшая указанным изменениям, а также их ближайшие последствия, поэтому хронологические рамки работы не ограничиваются серединой XIX в. и охватывают 1830–1880-е гг. Осуществлены предварительная постановка проблемы изменений моды на бороды в 1830–1880-х гг. и сопоставление контекстов этих перемен в Российской империи и Западной Европе. Вначале с опорой на материал существующих исследований кратко представлена история моды на бороды на Западе в обозначенный период. Далее рассмотрены определенные аспекты моды на бороды в России в XIX в. В заключительной части показаны некоторые различия в функциях и контекстах развития названного феномена в Западной Европе и Российской империи.

Борода в Европе практически всегда была признаком маскулинности, свидетельствующим о таких ее составляющих, как независимость, решительность, смелость и т. д. Но в первой половине XIX в. эти черты имели отчетливо политические коннотации и часто воспринимались неодобрительно обществом и властями [16, с. 295–296]. Поэтому в тот период многие предпочитали гладко бриться. Бороды носили лишь несогласные с существующим консервативным легитимистским порядком: республиканцы-революционеры, социалисты и представители богемы. Например, один из лидеров социалистического движения 1820–1830-х гг. во Франции Б.П. Анфантен, объявивший себя «отцом человечества», носил, как и его последователи, бороду, чтобы подчеркнуть свою мужественность и одновременно неортодоксальные политические взгляды. Борода также была отличительной чертой участников романтического движения «Молодая Франция» (*Les Jeunes-France*), которые стремились к возрождению республиканских идеалов Античности и независимости средневекового рыцарства [33, р. 158–160].

Приблизительно в середине XIX в. ношение бороды начинает восприниматься иначе. Оно перестает быть признаком левых политических взглядов и приобретает, напротив, консервативное значение. Борода с этого момента призвана подчеркивать привилегированное положение мужчин в обществе, маркировать традиционные гендерные роли. Можно предположить, что причиной этого изменения явилось желание найти точку опоры в быстро меняющемся и неустойчивом мире и защитить существующее положение дел от требований женского равноправия: «Растительность на лице была наглядным и инстинктивным способом мужчин отделить себя от женщин — кодировать специфически мужской внешний вид в тот момент, когда другие традиционные маркеры маскулинности не были больше стабильны или определены» [30].

Рост распространенности бород, усов и бакенбард наметился в 1840-х гг., а пика их популярность достигла в 1890-х [35, р. 1135, 1140], но в сфере идей стоит говорить не столько о постепенном росте популяр-

ности, сколько о резком переломе. Он приходится на 1850-е гг. В случае Великобритании он был связан в первую очередь с событиями Крымской войны, «войны в кресле», на которую публика смотрела скорее как на спектакль, чем как на реальное событие, отчего пресса играла в ее восприятии небывалую роль [28, р. 22]. В журналах этого периода в большом количестве публикуются изображения английских и французских солдат и офицеров в Крыму. Военные находились в изнурительных условиях многомесячных боевых действий вдали от родины, им не хватало самого необходимого, и на страницах журналов их часто можно было видеть в изношенной форме, небритыми. Эти патриотичные и мужественные образы привели к росту популярности растительности на лице у мужчин [31]. «После Крымской войны, когда вернулись британские солдаты, мало-помалу везде появились бородатые лица. В Англии стало модным носить бороды. Эта мода (fashion) была доведена до крайности — трудно было встретить мужское лицо, не обрамленное большой бородой... [но] до войны бороды не принято было носить, это был предрассудок», — пишет в воспоминаниях Мальвида Мейзенбург [16, с. 294–295].

Обратимся теперь к истории этого явления в Российской империи, точнее, к истории ношения бороды представителями высших сословий. Борода в России так же, как и на Западе, воспринималась в первой половине XIX в. как признак политической неблагонадежности. Борода, длинные волосы, пальто считались «наружными знаками либерала» [14, с. 218]. Граф В. А. Соллогуб рассказывал в воспоминаниях историю, случившуюся с С. А. Соболевским, библиографом и поэтом, другом А. С. Пушкина. Соболевский уехал в заграничное путешествие в 1833 г. бритым, вернулся же с бородой и усами. Как-то раз во время прогулки по Невскому проспекту с А. С. Пушкиным и В. А. Соллогубом он едва не столкнулся с проезжавшим мимо Николаем I, который мог отчитать любого, кто имел неподобающий вид, или даже предпринять более серьезные меры по отношению к нему. Соболевский вынужден был спрятаться за дверью магазина, чтобы избежать встречи: «Пушкин рассмеялся своим звонким, детским смехом и покачал головою: "Что, брат, бородка-то французская, а душенька-то все та же русская?"» [21, с. 345]. Характерно, что здесь В. А. Соллогуб фактически повторил распространенный в 1830–1840-х гг. водевильный сюжет о молодом дворянине, вернувшемся из-за рубежа и подвергшемся насмешкам за свои взгляды и говоривший о «либерализме» внешний вид [4, с. 28].

Именно опасным подражанием «парижским модам» и «жидам» объяснялся законодательный запрет на бороды, введенный при Николае I. В 1837 г. вышло два указа, запрещавших гражданским и придворным чинам носить бороду и усы [18; 19]. Эти нормы были включены в «Уставы о службе гражданской», которые регламентировали помимо прочего и внешний вид чиновников [23, с. 395]. Фактически этот запрет был подтвержден в 1855 г. по восшествии на престол Александра II [7; 24, с. 563]. Запрет для чиновников соблюдался довольно строго еще в 1870-х гг. [26, с. 131]. Такие же ограничения существовали и для армейских чинов вплоть до 1870–1880-х гг.

С другой стороны, в представлениях о бороде, бытовавших в России, можно было обнаружить и второе значение данного явления. Это был способ разделения сословий: обязанные бриться дворяне противопоставлялись бородачам-крестьянам. «Борода и одежда резко отличают Россию, униженную тройным игом и охраняющую свою национальность, от России, которая приняла европейскую цивилизацию вместе с императорским деспотизмом», — писал А.И. Герцен [9, с. 157]. Сомнения в существующем порядке возникают в первой половине XIX столетия, когда в Россию проникает идея нации. Одной из главных черт любой нации является культурное, правовое и политическое единство. Но в условиях общества Российской империи, разбитого на отдельные политически бесправные сословия, создание нации было труднодостижимой целью. Русский национализм, таким образом, постоянно сталкивался с проблемой сословных перегородок и гетерогенности имперского устройства в целом. В этих условиях борода, отпущенная дворянином или разночинцем, становилась способом подчеркнуть свое единство с народом, то есть прежде всего крестьянством, попыткой преодолеть культурную пропасть. Наиболее известным примером подобного отношения к бороде выступают ранние славянофилы. Борода, как писал И.С. Аксаков в одной из своих статей, — это «образ и подобие русского народа в значении его духовной и нравственной исторической личности» [1, с. 100]. Славянофильские эксперименты с ношением бород и элементов традиционного русского платья вызвали бурную реакцию властей и светского общества. Московский полицмейстер граф А.Ф. Орлов, бывший начальник Третьего отделения, и генерал-губернатор Москвы А.А. Закревский в разное время предписывали славянофилам сбривать бороды, что, впрочем, заставляло последних идти лишь на временные уступки [15, с. 132, 133–134; 22]. Конфликт властей со славянофилами, видимо, был одной из причин появления циркуляра Министерства внутренних дел, изданного в 1849 г. и запрещавшего всем дворянам, независимо от того, служат ли они или нет, носить бороды [12, с. 378–380].

А.И. Герцен, известный оппонент славянофилов, в 1843 г. иронично сравнивал обретающую единство и постепенно осознававшую себя нацию, бывшую предметом споров того времени, с монументальной историей мирового духа популярного тогда Г.В.Ф. Гегеля. Показательно, что Герцен также использовал в качестве примера моду на бороды: «У нас в одном ряду кресел встречаются полюсы человечества — от небритой бороды патриархальной, бороды *an sich*, до отращенной бороды, сознательной бороды *für sich*; а между двумя бородами можно найти представителей главных моментов развития человечества да еще некоторых оригинальных, недостававших человечеству» [8, с. 54]. Представители народа, по его мысли, носили бороды, не осознавая культурного и политического значения этого жеста, которое прекрасно понимали люди, получившие образование (*Bildung*). Можно, развивая идею Герцена, предположить, что когда-нибудь эти разные части нации должны были соединиться, а «борода в себе» — стать осознанно носимой «бородой для себя».

Подчас два значения, революционное и национальное, смешивались. Хотя Н.Н. Мазур резонно предполагает, что негативная реакция правительства на бороды славянофилов была вызвана размыванием сословных границ и нарушением установленного законом порядка [15, с. 128], тут возможна и другая причина. Идея национального единства могла быть принята властями за призыв к радикальной революционной политике и демократии. «Государю не угодно, — говорилось в циркуляре МВД 1849 г., — чтоб русские дворяне носили бороды... На Западе бороды — знак, вывеска известного образа мыслей; у нас этого нет, но государь считает, что борода будет мешать дворянину служить по выборам» (цит. по: [12, с. 378]).

А.С. Хомяков в «Письме о запрещении носить бороду и русское платье» постарался опровергнуть то, что он считал осознанной клеветой, вызванной завистью и страхом перед «неукоризненным поведением в гражданском смысле, ненавистью их [славянофилов] ко лжи»: «Что же касается до демократических стремлений, то смело можно сказать, что ничем, совершенно ничем они их не выказали; ношение же русского, хотя бы крестьянского, платья, не знаю... почему демократичнее ношения фрака, сюртука и пальто, в которые одеваются камердинеры, повара и лакеи» [15, с. 137]. В похожей ситуации оказался публицист И.Г. Головин, вынужденный, по его словам, уйти в отставку из Министерства иностранных дел из-за его прически *à la moujik*: «Кажется, чего национальнее? Нет, сделали из них какую-то революционерную вывеску...» [10, с. 63] Также из-за ношения бороды пришлось оставить службу в МИД М.В. Петрашевскому [3, с. 154].

Бороды стали входить в моду в России, как и на Западе, после Крымской войны, но в данном случае у этого процесса, видимо, были несколько иные причины. В 1855 г. появляются слухи, что правительство разрешит носить бороду офицерам, служившим в ополчении, то есть доказавшим свою близость к народу, с которым они воевали бок о бок в новой отечественной войне. Идея нации в это время получает все большее признание со стороны правительства [2, с. 108–109; 17]. «Самарин, — писал Т.Н. Грановский, — поступивший в ополчение, доказывает всю важность теперешних событий тем, что по окончании войны офицерам, служившим в ополчении, можно будет носить бороду, следовательно, кровь севастопольских защитников не даром пролилась...» [11, с. 430]. Действительно, некоторые послабления были введены — власти все меньше ограничивали вошедшие в моду бороды.

Хотя запреты для военных и чиновников сохранялись до 1880-х гг. (а в особых случаях и до 1917 г.) [25, с. 208], ограничений для нигде не служивших подданных вскоре после завершения Крымской войны не осталось. В некоторых случаях борода по-прежнему могла выступать символом революционности и радикализма [13, с. 23], но все же основным ее значением становилась «народность». Власти все больше склонялись к поддержке идеи нации и разрешали ношение бороды, усматривая в этом символ национального единства [6]. Разрешение на боро-

ды приветствовалось в армии как «наружная перемена в русском духе» [5, с. 133]. Еще в 1874 г. было позволено «носить бороды служащим во всех войсках, кроме гвардии и гренадер, а также лиц, состоящих в Свите Его Величества, и чинов Главных Управлений Военного Министерства»¹ [20]. Александр III во многом довершил это начинание, повелев отпустить бороды в гвардии и личной свите в 1881 г. [5, с. 133]. Послабления вскоре коснулись и гражданской службы.

Подведем некоторые итоги. В начале XIX в. общественно-политическая ситуация в России и в Западной Европе имела много общего. Страх перед возможным повторением Французской революции всюду был значимым фактором политической жизни. Такие качества, как независимость, сила, решительность, имели революционные коннотации, но постепенно, особенно после поражения революций 1848—1849 гг. и общего разочарования в радикальной демократической политике, они стали восприниматься нейтрально [31]. Борьба за равноправие, противостоя в которой мужчины могли бы пытаться защитить свои привилегии, долгое время имела довольно ограниченные масштабы. В то же время на Западе не было проблемы преодоления имперского наследия и такого долгого и противоречивого процесса строительства национального государства, как в России. В Западной Европе не существовало разрыва, подобного российскому (А.М. Эткинд сравнивает его с расовым [27, с. 155—156]), между разными группами, формирующими тело нации. Соответственно, не было необходимости преодолевать его посредством изменения внешнего вида представителей одной из групп. В Западной Европе и в России XIX в. протекали сходные процессы: все больше мужчин отпускали бороды, растительность на лице постепенно получала общественное признание, официальные и неофициальные запреты ослабевали и постепенно исчезли совсем. Можно сказать, и на Западе, и в России посредством моды на бороды формировалась некая «нация мужчин». Но причины этого процесса различны, в чем-то даже противоположны. На Западе ношение бороды служило сегрегации, подчеркивало гендерные различия и неравенство, в то время как в России растительность на лице преследовала обратную цель — снять жесткие границы, в данном случае — сословные.

Не вызывает сомнений, что история бороды имеет множество нюансов. Представленные выводы носят лишь предварительный характер, так как многие существенные аспекты не были затронуты в статье. Если говорить о Российской империи, важным предметом исследования представляются бороды духовенства, ношение которых не подчинялось моде и регламентировалось особо. Заслуживают внимания перипетии истории бороды в армии и флоте, представленные в настоящей работе лишь выборочно, а также в университете, в среде национальных меньшинств, в том числе на окраинах империи. Таковы в первом приближении перспективы дальнейшего изучения этой темы.

¹ Сохранена орфография оригинала.

Список источников и литературы

1. Аксаков И. С. В чем сила России? // Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность. М., 2008. С. 100—106.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 1994.
3. Бакунин М. А. Письмо А. И. Герцену 7 ноября 1860 г. // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906. С. 111—162.
4. Белинский В. Г. Русская литература в 1843 году // Собр. соч. : в 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 7—58.
5. Воейков В. В. Последние дни Императора Александра II и воцарение Императора Александра III // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1911. Вып. 54. С. 55—165.
6. Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // Россия/Russia. М., 1999. Вып. 3 (11). С. 233—244.
7. Высочайше утвержденный проект изменения в форме мундиров гражданского ведомства // Собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 30, № 29222. С. 272—274.
8. Герцен А. И. По поводу одной драмы // Полн. собр. соч. : в 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 49—72.
9. Герцен А. И. Развитие революционных идей в России // Там же. Т. 7. С. 133—258.
10. Головин И. Г. Записки Ивана Головина. Лейпциг, 1859.
11. Грановский Т. Н. Письмо К. Д. Кавелину 2 октября 1855 г. // Грановский Т. Н. Публичные чтения. Статьи. Письма. М., 2010. С. 429—431.
12. Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков. М., 2000.
13. Краснов Г. В., Викторovich В. А. Нигилист на рубеже 60-х годов как социальный и литературный тип // Революционная ситуация в России в середине XIX века. Деятели и историки. М., 1986. С. 22—37.
14. Лорер Н. И. Записки декабриста. М., 1931.
15. Мазур Н. Н. Дело о бороде. Из архива Хомякова: письмо о запрещении носить бороду и русское платье // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 127—138.
16. Мейзенбург М. Воспоминания идеалистки. М. ; Л., 1933.
17. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. М., 2008.
18. О восприятии гражданским чиновникам носить усы и бороду // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 12, отд. 1. СПб., 1838. С. 206. № 10092.
19. О ношении лицам, имеющим придворные звания, усов и бороды // Там же. С. 198. № 10076.
20. О разрешении носить служащим во всех войсках, кроме гвардии и гренадер, а также лиц, состоящих в свите Его Величества и чинов Главных Управлений Морского министерства // Там же. Т. 49, отд. 2. СПб., 1876. С. 133. № 55829.
21. Соллогуб В. А. Из «Пережитых дней» // Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 345.
22. Тесля А. А. Первый русский национализм... и другие. М., 2014.
23. Уставы о службе гражданской // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 3.
24. Уставы о службе гражданской // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 3.
25. Хорошилова О. А. Костюм и мода Российской империи. Эпоха Николая II. М., 2014.

26. *Хорошилова О.А.* Костюм и мода Российской империи. Эпоха Александра II и Александра III. М., 2015.

27. *Эткинд А.М.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.

28. *Baldwin G. et al.* All the Mighty World: The Photographs of Roger Fenton, 1852–1860. New Haven, 2004.

29. *English B.* A Cultural History of Fashion in the 20th and 21st Centuries: From Catwalk to Sidewalk. L., 2013.

30. *Gold McBride S.* "Power is on the side of the beard". Masculinity and Facial Hair in Nineteenth-Century America. URL: <http://ushistoryscene.com/article/beards/> (дата обращения: 26.01.2016).

31. *Matthews-Jones L.* Victorian Movember: The Return of the Monarch Beard. URL: <http://blogs.tandf.co.uk/jvc/2013/11/26/victorian-movember-the-return-of-the-monarch-beard/> (дата обращения: 26.01.2016).

32. *Oldstone-Moore C.* The Beard Movement in Victorian Britain // *Victorian Studies*. 2005. Vol. 48, №1. P. 7–34.

33. *Oldstone-Moore C.* Of Beards and Men: The Revealing History of Facial Hair. Chicago, 2015.

34. *Peterkin A.D.* One Thousand Beards: A Cultural History of Facial Hair. Vancouver, 2001.

35. *Robinson D.E.* Fashions in Shaving and Trimming of the Beard: The Men of the Illustrated London News, 1842–1972 // *American Journal of Sociology*. 1976. Vol. 81, №5. P. 1133–1141.

36. *Slade T.* Japanese Fashion: A Cultural History. Oxford, 2009.

Об авторе

Андрей Александрович Ильин — асп., НИУ «Высшая школа экономики», Москва.

E-mail: andrew.a.ilyin@gmail.com

About the author

Andrey Ilyin, PhD student, National Research University Higher School of Economics, Moscow.

E-mail: andrew.a.ilyin@gmail.com